

Роковые ошибки Наполеона в России: просчеты и нерешительность

Наполеон был исключительно человеком действия. Вся его карьера свидетельствует о его умении распознать удобный случай и не упустить его. Он был также и искусным политиком, обладавшим способностью достигать посредством политики и дипломатии тех побед, которых не смог одержать на поле сражения.

Наполеон был вынужден вести постоянную борьбу с Великобританией. Сам он этой войны не хотел, но отказ англичан заключить прочный мир с Францией не оставлял ему никакого выбора. С позиций нашего времени действия, которые Наполеону пришлось предпринять в данной ситуации, могут рассматриваться как губительные. Тем не менее, в то время это были необходимые шаги, предпринятые с целью помешать англичанам уничтожить Французскую республику, а впоследствии Французскую империю.

Поражение Франции на море в сражении при Абукире и Трафальгарском сражении сделали нереальной возможность прямого вторжения в Англию. Но Англия, как островное государство, сильно зависела от состояния своей торговли. Торговые отношения с Европой имели для нее первостепенное значение. Без них сильная британская экономика была бы подорвана, а возможно и окончательно уничтожена. Таким образом, казалось возможным, что блокада английских торговых судов во всех континентальных портах создаст угрозу для экономики Великобритании. Предполагалось, что блокада прекратит поступление основных денежных средств для ведения войны и заставит Англию просить о заключении мира на условиях, выгодных Наполеону.

Такова, по крайней мере, была теория. Из этой теории и родилась Континентальная система.

Прямым следствием Континентальной системы явилось то, что французские войска завязли в Испании. Наполеон твердо решил воспрепятствовать проникновению британских товаров во Францию через Иберийский полуостров. К сожалению, на этот раз его политическое чутье изменило ему, а в отсутствие Наполеона то же самое произошло с политическим чутьем его маршалов. Испания стала настоящей катастрофой, но лишь первой из двух, разразившихся в результате появления Континентальной системы и приведших в итоге к окончательному разгрому Наполеона.

Обратимся теперь ко второй и самой известной катастрофе — русской кампании 1812г., которая явилась неизбежным результатом Континентальной системы и на роковой исход которой оказала свое влияние и неудача в Испании. Без этого не может быть по-настоящему понята трагедия, разыгравшаяся в России.

Александр и Наполеон все еще были союзниками и оба хотели остаться таковыми. Александр не был самовластным правителем, как принято было считать: большое влияние на него оказывала мать — абсолютная противница Наполеона, отношения его с дворянством были весьма проблематичны. По примеру Наполеона Александр пытался начать некоторые основные реформы в России, но он оказался в этом отношении Людовиком XVI, а не Наполеоном: когда его аристократия возражала, он уступал.

Между двумя правителями существовали две главные проблемы, по которым они не могли найти согласия. Наполеон хотел создать новое Польское государство, а Александр и его дворянство были безоговорочно против этого. Они были возмущены желанием Наполеона образовать Герцогство Варшавское и пытались заставить его отказаться от этого. Но Наполеон дал слово полякам: ему был необходим буфер между Россией и Европой.

Другой главной проблемой стала Континентальная система. Удачная вначале блокада британских товаров вскоре стала отрицательно сказываться на экономике континента почти в такой же степени, как на экономике Британии. Действительно, жизнь во Франции вздоржала, а контрабанда приняла такие угрожающие размеры, что правительство Франции официально приняло некоторые «исключения» к закону о блокаде.

Уже в 1810г. Россия начала открывать свои порты для «нейтральных» судов, что означало — для британских товаров, одновременно вводя ограничения на торговлю с Францией. Этот открытый вызов Наполеону сам по себе мог привести к войне, а в сочетании с польским вопросом не оставлял никакого сомнения в таком исходе.

Александр приготовился к войне. Он заключил мир с Турцией и сумел привлечь на свою сторону бывшего маршала Франции, а теперь короля Швеции Бернадотта, пообещав ему помощь в его попытках завоевать Норвегию. Окончательно убедившись в своей готовности к войне, Александр предъявил перечень своих требований Наполеону, самым важным из которых было требование покинуть Герцогство Варшавское. Для Наполеона это означало войну.

Существуют также утверждения, что у Наполеона были и другие, более романтические мотивы

вступления в Россию. Когда армия находилась в Египте, то в войсках было много разговоров о том, что Наполеон хочет повести свою армию в Индию, чтобы поразить английскую торговлю в самом сердце в этом регионе. Барон фон Оделебен, в 1813г. один из представителей Саксонии в штабе Наполеона, был в этом полностью уверен: « Многие наши современники считали план завоевания Ост Индии невероятным и нелепым одновременно; но судя по сведениям, которые я получал из Главного штаба французов, такие намерения существовали на самом деле. Провинции Российской империи, так скупно обласканные природой, конечно же не могли удовлетворить алчность Наполеона. Не завоевание этих провинций и не желание уничтожить русскую армию побудило победоносного военачальника предпринять эту кампанию. Он рассматривал ее не иначе, как третью часть своего похода в Индию»¹.

К подобному утверждению можно относиться как к интересной гипотезе; ясно, что у Наполеона были какие-то более важные причины для начала кампании в России. Если бы она завершилась успешно, Индия была бы не нужна.

Как и Первая мировая война столетие спустя, это была война, которой никто не хотел, и некоторые, в особенности сам Наполеон, полагали, что она быстро закончится. Хотя Александр I в действительности тоже не хотел войны, он был готов заманить Наполеона в глубь Магушки-России и используя тактику выжженной земли не дать французам поживиться.

Наполеон хорошо знал историю и, следовательно, прекрасно осознавал тот факт, что никогда еще подобное нашествие не оканчивалось успехом. Несмотря на все разговоры о скорой победе и заключении мира, он хорошо знал, что Александр, вероятнее всего, вынудит его завести армию в глубь России, но он также понимал, что рано или поздно, и чем раньше, тем лучше для него, русские вынуждены будут вступить в решающее сражение. Здесь, как он полагал, история на его стороне: он еще ни разу не проигрывал русским. Итак, план ясен: французская армия не двинется дальше Смоленска, даст главное сражение, одержит победу и отношения с Александром станут такими же дружескими, какими были до момента, когда возникло это злполучное «непонимание».

Историки будут впоследствии часто писать о том, что война с Россией явилась результатом колоссального самолюбия Наполеона или следствием допущенного им огромного просчета. Ни то и ни другое. Это был хорошо рассчитанный и логичный шаг. Он был спровоцирован не Наполеоном, а Александром. Приготовления Франции к войне явились, в конечном счете, прямым ответом на аналогичные действия России. Наполеон дал это ясно понять Александру; он также дал ему ясно понять свое стремление сохранить мир и свое нежелание позволить Александру нарушить договоренности, достигнутые в Тильзите. Он действительно желал мира, но война уже была неизбежна.

В любом случае Наполеон не видел, и реально не имел альтернативы. Он едва ли мог уступить требованиям царя относительно Польши, а отказ России полностью соблюдать условия Континентальной системы означал бы ее крах. Он не мог также сидеть и ждать, когда русские первыми начнут войну. Это дало бы им преимущество в ведении наступательных военных действий на чужой территории.

Наполеон был искусным полководцем, успех которого зависел от наступления. Россия по сути дела объявила войну; он перенесет эту войну на ее территорию и поставит лицом к лицу перед свершившимся фактом. Итак, к началу военной кампании в России Наполеон все еще был человеком действия.

У Наполеона также была, как он сам в это верил, гарантия победы. Он собрал, возможно, самую большую военную силу, когда-либо известную в истории того времени, армию, превышавшую полмиллиона человек. В то время как основные надежды он возлагал на французских солдат, составлявших ее третью часть, эта армия действительно являла собой его империю на пике славы. Двадцать разных наций были представлены в ней, каждая со своей униформой и знаменами, говорящая на своем языке, что создавало также и большие проблемы. Французский был языком элиты и большинства офицеров, но не простых солдат.

Это было величественное и впечатляющее зрелище, когда 24 июня 1812г. армия Наполеона, перейдя р. Неман, вступила в пределы России. Полмиллиона солдат, тысяча орудий, бесчисленные обозы. Кто тогда мог бы обвинить Наполеона в том, что он верил в свою непобедимость? Возможно, что это впечатляющее зрелище ослепляло его настолько, что он терял чувство реальности сложившейся ситуации. Посол Наполеона в России, А. де Коленкур, еще в начале июня 1811 г. предупреждал о том, что царь Александр говорил ему о своих намерениях заманить Наполеона в глубь России следующее: «Ваш француз храбр, но длительные лишения и плохой климат сломят его и лишат мужества. Наш климат, наша зима будут сражаться на нашей стороне»². Наполеон должен был понимать опасности, с которыми ему придется столкнуться, но все его действия говорят об обратном. Он не планировал расширенную военную кампанию и явно не имел намерений идти на Москву или Санкт - Петербург. Наполеон стоял во главе самой большой армии в истории Европы, и вся империя, и даже многие в России, верили в то, что кампания будет успешной.

Никто бы тогда не поверил, если бы ему сказали, что лишь десять процентов этой огромной армии вернется назад. Наполеон совершил свою первую критическую ошибку: он недооценил своего противника — царя Александра I. Эта ошибка дорого ему обошлась.

Войска Наполеона двинулись вперед, горя желанием сражаться. Силы русских представляли собой две армии, которыми командовали генералы Барклай де Толли и Багратион. Наполеон как всегда намеревался разбить их поодиночке, сначала одну, а затем другую пока они не соединились в одну армию.

Однако на этот раз он не смог осуществить свой план. Французам удавалось вести лишь небольшие бои, которые хотя и оканчивались в их пользу, но не являлись тем главным сражением, в результате которого Наполеон мог бы объявить победу. Не раз французские войска были близки к возможности сразиться с каждой из русских армий, но в результате замешательства и нерешительности лишались этой возможности. Становилось совершенно ясно, что все складывается не так, как того ожидал Наполеонⁱⁱⁱ.

С самого начала нерешительность и промедления стоили французам потери драгоценного времени, а с ним и возможности на скорую победу. Передовые части наступающей французской армии застали врасплох армию Барклая де Толли, которую могли бы успешно атаковать на позиции, находящейся на удалении от остальных сил русской армии. Военная кампания еще только начиналась, а войска под командованием принца Евгения уже на два дня отставали от расписания. Помехой явилась переправа через Неман транспорта снабжения его войск. Решительный командующий нашел бы способ двинуть свои боевые силы вперед, но вместо этого допущенное промедление дало возможность Барклаю де Толли улучшить положение его армии.

Немногим лучше дела обстояли у брата Наполеона — Жерома, так как допущенные им промедления лишили его возможности оказывать давление на Багратиона. Таким образом, уже в конце первого этапа кампании начальное продвижение в Россию не было успешным из-за нерешительности или, по крайней мере, из-за отсутствия решительных действий со стороны подчиненных Наполеона.

Во время продвижения французов к Вильно новое замешательство стоило им потери преимущества. На этот раз маршал Даву выдвинул свои войска с целью вступить в бой с армией Багратиона. Но принц Евгений снова ничего не пытался предпринять для скорейшего продвижения своих войск и на два дня задержался в Пилони. Когда он наконец-то прибыл туда, где предполагалось ему находиться, было уже слишком поздно. Жером со своими войсками тоже задержался, позволив Багратиону уйти.

Справедливости ради стоит сказать, что сильный проливной дождь, который шел 29 июня, вынудил Наполеона отложить дальнейшее продвижение войск под командованием Мюрата, Нея и Удино, что также дало возможность Багратиону и его армии избежать преследования.

28 июня Наполеон вошел в Вильну. Здесь он пробыл 18 дней, ожидая (надеясь?), что Александр либо примет сражение, либо будет просить мира. Он ждал напрасно. Наполеон уже тогда рассматривал этот город как место для зимовки, хотя был еще только июль, а армия на отдыхе — это армия, которая теряет волю и боеспособность. Он даже полагал в дальнейшем использовать Вильну как базу для военных операций в будущем. После тщетного ожидания он понял, что нужно продолжать продвижение своих войск, чтобы добиться, в конце концов, так необходимого ему решающего сражения. Кроме того, он не мог отсутствовать в Париже так долго.

Когда Наполеон приближался к Смоленску, ему стало известно, что русские армии объединились. Вместо того чтобы сразу же двинуться дальше, он объявил 15 августа однодневную остановку, что позволило русским войскам отступить с наименьшими препятствиями. Это опасное промедление свело на нет имевшееся у французов преимущество внезапности, и дало русским возможность подготовиться к обороне города. 16 и 17 августа в предместьях Смоленска шли тяжелые бои. 18 августа армия Багратиона начала отходить с оборонительных позиций, на которых оставалась только армия Барклая. Наполеон, однако, не воспользовался возможностью напасть на обе армии поодиночке, дав им отступить. Снова промедление, снова упущенные возможности.

18 августа 1812 г. Наполеон вошел в Смоленск. В Париже, готовясь к походу, он не собирался продвигаться дальше Смоленска. У его войск не было зимнего обмундирования; никто и помышлял о зимней кампании, а еще меньше о зимнем отступлении. Вопреки его планам русские оставили свой город на разорение и продолжали отступление. Битва за Смоленск не состоялась.

В Смоленске Наполеон должен был принять какое-то решение и как можно быстрее. Город был разрушен, но в нем все же можно было бы перезимовать. Вначале у него действительно было такое намерение. Пути снабжения его армии еще не были очень растянутыми, а следующей весной он мог бы возобновить военную кампанию. Он может признать независимость Польши, что обеспечит лояльное отношение к нему поляков, а его армия пополнится новыми преданными кадрами.

Наполеон не был настолько безрассуден, чтобы не понять, что все идет не так, как он

планировал, ожидал, требовал. Он, возможно, не представлял себе до конца всех тягот русской зимы. А как можно это сделать, не испытав на собственном опыте?

Наполеон мог также вернуться в Вильну, где осталась часть войск и необходимые запасы продовольствия. Он серьезно подумывал о том, чтобы остановиться и не идти дальше. Но в случае выбора одного из вариантов он вынужден будет признать, что его план провалился. План быстрой победы в течение первых двадцати дней войны не осуществился, но он все еще может одержать победу, если только русские остановятся и вступят в сражение! Более того, если он отложит кампанию до весны, это даст русским возможность привести в порядок свои войска для наступления, а возможно и для того, чтобы отрезать его от остальной Европы. Остановка кампании до весны усилит возможность возникновения заговора в Париже.

Наполеон, все еще решительно настроенный на генеральное сражение, должен был сделать выбор между двумя основными направлениями дальнейших военных действий: двинуться на Санкт-Петербург — столицу русского царя или продвигаться дальше к древней Москве — городу, священному для всего русского народа. Принять окончательное решение ему помогла русская армия: она направилась по дороге, ведущей к Москве, и Наполеон продолжил ее преследование. До Москвы было еще 280 миль.

Две недели задержки в Эль Арише привели к поражению во время похода в Египет; в Вильно Наполеон задержался 18 дней; еще семь он бездействовал в Смоленске. Из-за этих двух задержек он окончательно лишился права на ошибку. Третье промедление окажется роковым.

Александр тем временем приводил в порядок свои войска, снова напоминая Наполеону о том, что его ожидает. В своем воззвании к народу, которое генерал Беннигсен включил в приказ по армии, царь писал:

«Россияне! Враг покинул берега Двины и имеет намерение вступить с вами в сражение. Он обвиняет вас в робости, потому что не знает или притворяется, что не знает образа ваших действий. Отчаянные попытки навязать сражение соответствуют его замыслу и опасности его положения. Будем ли мы достаточно благоразумны, чтобы не упустить преимуществ этой ситуации? Он хочет идти на Москву, так пусть придет туда. Но сможет ли он, даже захватив столицу, завоевать Российскую империю и подчинить себе тридцать миллионов населяющих ее людей? Удаленный от своих резервов на 800 миль, ОН, ДАЖЕ СТАВ ПОБЕДИТЕЛЕМ, НЕ ИЗБЕГНЕТ СУДЬБЫ ВОИНСТВЕННОГО КАРЛА XII. Теснимый со всех сторон нашими войсками, крестьянами, которые поклялись уничтожить его будучи разъярены неистовствами неприятеля, чуждые вера, обычаи и язык коего превратили его в непримиримого врага, как сумеет он ретироваться?

Слишком далеко зашел он, чтобы безнаказанно уйти; врагу скоро придется испытать холод, голод и несметные русские войска. Воины! Когда наступит время битвы, ваш Император даст вам знать; он будет свидетелем ваших подвигов и вознаградит вас за вашу доблесть»^{IV}.

Это вышедшее в августе воззвание было достойно самого Наполеона! Вполне вероятно, что Наполеон видел его; во всяком случае, оно только еще раз повторяет предостережение, посланное Александром I через Коленкура годом раньше. Наполеон, тем не менее, опять не прислушался к нему. Он твердо решил идти до конца. Все это имело смысл, но было невыполнимо. То, что он не сумел понять, что дела идут не так, как прежде, следует рассматривать как основную причину его падения.

Наполеон двигался к Москве, ища главного сражения. Так или иначе, прав он был лишь в одном: русские не отдадут священный для них город без боя. Александр I назначает главнокомандующим вместо Барклая де Толли Кутузова, который остановился у села Бородино. Наполеон разбил Кутузова при Аустерлице, он снова победит его при Бородине. Это будет, однако, бесплодная победа. Действительно, может быть, было бы лучше, если бы он проиграл, тогда его армии пришлось бы отступить в более теплое время года.

Движение французской армии к Бородину было довольно удачным. 5-го сентября французы вступили в бой за Шевардинский редут и заняли его. 6-го обе стороны отдыхали, готовясь к сражению.

Бородинское сражение было всем чем угодно, но не тем, чего хотел Наполеон в этом сражении. Русские находились здесь уже несколько дней, чтобы занять нужную им позицию и как следует ее укрепить. Русская армия насчитывала около 120 тыс. человек и более 600 орудий. Против них, из более 500 тыс. человек, с которыми он начал кампанию, Наполеон имел только 135 тыс. и около 600 орудий. Он продвинулся далеко от места, где начал войну, большое число солдат пришлось оставлять в гарнизонах для защиты линий коммуникации с Парижем. Сравнительно небольшое количество погибло в боях и перестрелках.

Положение его было не идеально, но, в конце концов, вот оно, то решающее сражение, которого он так безуспешно искал до сих пор. Победа здесь, а затем и захват близлежащей Москвы, заставят, наконец, Александра начать переговоры.

7 сентября, в день сражения, рано утром, Наполеон издал свое обычное воззвание к войскам; одно из тех, что отражали славу прошлых военных походов:

«Солдаты, вот битва, которую вы так желали! Отныне победа зависит от вас: она нам необходима, она нам даст изобилие, хорошие зимние квартиры и скорое возвращение на родину! Действуйте, как под Аустерлицем, под Фридрихсдорфом, под Витебском, под Смоленском, и пусть самое отдаленное потомство говорит с гордостью о вашем подвиге в этот день, пусть о вас скажут: он был в великой битве под стенами Москвы!»^v

Вполне могло быть и так, что французы до конца не были уверены в том, где они находятся. У них не было точных карт данной местности. В приказе Бертье генералу Лефевру, командующему пешей императорской гвардией, от 6 сентября говорится о том, что они находятся за Можайском («en arrière de Majaisk») ^{vi}, хотя на самом деле этот город находится на расстоянии 25 миль восточнее Бородино. Это также может служить объяснением того, что французы называли это сражение Битвой на Москве-реке («the Battle of Moskova [River]»), тогда как на самом деле через поле сражения протекает река Колоочь.

Здесь с Наполеоном были его лучшие маршалы, которые хорошо выполняли свои задачи. Его приемный сын, принц Евгений, захватил с. Бородино, Нею удалось овладеть стратегическим опорным пунктом, известным под названием флеша (Three Arroy). Полагая, что окончательный прорыв обороны русских на этом участке приведет к полной победе (заклучение вполне оправданное), Нею попросил Наполеона бросить в бой его резервы — Императорскую гвардию.

Наполеону нужна была полная победа; успех Нею давал ему шанс ее достичь; восемнадцатитысячная гвардия, вероятно, могла бы сломить сопротивление русских. В прежние времена Наполеон, скорее всего, так бы и поступил. Но он теперь был более осторожным. Командующий гвардией маршал Бессьер убеждал его не рисковать своим последним резервом, находясь так далеко от дома.

Это был логичный и благоразумный совет, но он лишал возможности одержать решающую победу, а вместе с ней и последнего шанса получить на предложение о мире согласие от Александра I, если вообще такой шанс существовал. Наполеон был нездоров, к тому же он получил плохие новости о военных действиях в Испании. Возможно, что и то и другое повлияло на его окончательное решение, утверждать это трудно. Так или иначе, колебания и промедление не позволили ему одержать ту решительную победу, которой он так отчаянно добивался.

Наполеон откажет Нею в его просьбе о помощи еще раз — в Ватерлоо. Это сражение станет концом его карьеры.

В Бородино Наполеон все-таки послал Нею некоторое подкрепление, и вскоре центр сражения переместился в ту часть поля, которая известна как Большой редут (Grand Redoubt), мощное укрепление на возвышенности с более чем двадцатью артиллерийскими орудиями. Попытки атаковать его с флангов были безрезультатны, по укреплению наносились преимущественно удары с фронта.

Это была кровавая баня. Французы бросались в атаку под градом русской картечи и пуль тысяч ружей. На поле, красном от крови, оставались наваленные друг на друга мертвые тела. Последняя атака под командованием Богарнэ, Нея и Мюрата оказалась успешной, и Большой редут был взят. Пушки, оставленные на редуте, были повернуты вслед отступающим, из них вели огонь, насколько позволяла дальность их действия. Кавалерия Мюрата могла бы смять отступавших русских, и, может быть, парализовать их боеспособность. Но Наполеон отказался от преследования, и русские отступили относительно без помех.

В Аустерлице Наполеон позволил русской армии отойти, в результате чего она уцелела, чтобы снова сражаться против него. Три года спустя, при Линьи, накануне Ватерлоо, он промедлит с решением преследовать прусскую армию, которая тоже будет сражаться при Ватерлоо и лишит его победы.

Бородино было хотя и ограниченной, но все же победой. Русские потеряли в сражении более 44000 человек, включая смертельно раненого генерала Багратиона, а французы где-то около 33000, включая 40 генералов убитыми и ранеными. 77000 человек — таковы общие потери в сражении, победа в котором в конечном итоге значила так мало.

Поле сражения после битвы представляло собой тягостное зрелище, подобного которому еще не бывало: горы мертвых тел, наваленных друг на друга, казалось, были всюду, куда ни глянь. Наполеон, с неохотой отправившийся осматривать поле сражения, был явно потрясен. Лошадь одного из сопровождавших споткнулась о раненого солдата, кричавшего от боли. Наполеон, который был хорошо известен особыми чувствами по отношению к своим солдатам, сделал выговор сидевшему на лошади за невнимательность. Когда кто-то заметил, что раненый «всего лишь русский», Наполеон резко ответил, что «после победы нет врагов, есть только солдаты»^{vii}.

Следует сказать и о потерях, не менее значительных, чем людские потери. Было потеряно много лошадей по пути к Смоленску и Бородино, не только в боях, но и из-за

нехватки фуража. Большое число лошадей погибло в Бородинском сражении. Они были так необходимы в предстоявшем отступлении, в котором их погибнет еще больше. В общей сложности в России Наполеон потерял не менее 200 000 лошадей. Их потеря будет сильно ощущаться во время кампании 1813-1814 гг., в ходе которой, будь эти лошади целы, некоторые победы Наполеона были бы более полными, а, возможно, сама кампания закончилась бы в его пользу.

Дорога на Москву была свободна, и 15 сентября Наполеон вступил в город. Он ожидал, что его встретит депутация представителей городской знати. Вместо этого его встретил почти пустой город, в котором остались лишь немногие его обитатели, среди которых было немало недавно выпущенных на волю преступников. Наполеон направился в Кремль; в ту ночь русские подожгли свой город. Французы мало что могли сделать, чтобы справиться с возникшим пожаром — русские не оставили в городе никаких противопожарных орудий — им удалось спасти только около 20% горевших зданий.

Давно существует распространенное мнение, что город сжег Наполеон. Но в этом не было никакого смысла. Уже наступала осень, и он вполне мог принять решение остаться в Москве на зиму. Для этого ему необходимы были те самые дома, которые сгорели дотла. И все же в городе оставалось еще достаточно запасов для того, чтобы сделать зимовку в Москве возможной.

Наполеон отправил послание Александру, который находился в своей столице — Петербурге. Ответ из него мог быть доставлен не ранее чем через две недели. Но ответа не было. Он попытался снова отправить курьера с посланием в Петербург, но его вернули назад, даже не дав ему доехать до места назначения. То же самое произошло и с курьером, которого он отправил с посланием к Кутузову. Близилась зима и нужно было что-то решать.

В Москве, как и в Смоленске, встал все тот же вопрос: остаться или двигаться. Но теперь уже двигаться можно было только в одном направлении — назад. Несмотря на пожар, провизии для войск было достаточно, достаточно было и укрытий от холода. Город оставался пригодным для обороны, а с приходом весны появятся и новые возможности. Правда, существовала проблема усилившихся нападений на коммуникации, требующие особой охраны. Существовал политический риск столь долгого отсутствия императора в Париже. Правдой было и то, что Пруссия и даже Австрия могли расценить решение продлить кампанию как проявление слабости с его стороны и повернуть против него, отрезав тем самым его от Франции. И все же лучшим выбором стало бы решение остаться. Граф Дарю, его доверенный советник, пытался убедить его в этом: «Остаться здесь превратить Москву в огромный укрепленный лагерь и провести в нем зиму. Он ручается за то, что не будет недостатка в хлебе и соли: все остальное продовольствие будет обеспечено в большом количестве. Мясо тех лошадей, для которых невозможно будет обеспечить корм, можно будет засолить. Что же касается квартир, если недостаточно будет оставшихся домов, то можно будет устранить их нехватку, используя склады. Здесь мы можем остаться до прихода весны, когда подкрепление и вся вооруженная Литва придут к нам на помощь, и завершить завоевание России»^{viii}.

Какое-то время казалось, что он сделает выбор в пользу этого решения. Наполеон отдал приказ обеспечить развлечения. Это подтверждает Стендаль, который пишет, что озабочен качеством этих развлечений: «Похоже, что я проведу зиму здесь; надеюсь, состоится несколько концертов. Конечно, при дворе будут и театральные спектакли, но что за актеры будут в них играть?»^{ix}

Тем не менее Наполеон, при поддержке своих советников, принял решение вернуться в Смоленск. Так он сможет сократить протяженность линий коммуникации и пополнит армию солдатами, которые были там оставлены для охраны запасов ее снабжения. И все-таки Наполеон медлил. Только потери кавалерии Мюрата, которой пришлось отражать внезапное нападение русских за пределами Москвы, преисполнили его решимостью действовать. 19 октября, через 35 дней после вступления в город, армия Наполеона начала свой долгий путь домой.

Наполеон намеревался возвращаться по южной дороге. Было уже холодно; наступила ранняя зима. Но этот путь был перекрыт русскими войсками. Он заставил их отойти, но боялся, что они произведут перегруппировку и продолжат блокировать дальнейшее отступление его армии. Наполеон вынужден был продолжать движение назад по северной дороге; снова через Бородино, он будет отходить по той же самой дороге, по которой пришел — по дороге, на которой невозможно было обнаружить хоть какое-то продовольствие для отступающих войск, но были казаки.

По иронии судьбы Наполеон перед этим не произвел надлежащую разведку. Сделай он это, он бы обнаружил, что русские отошли, и дорога на юг открыта. Многие из того, что должно было последовать, не последовало. *C'est la guerre!*

Французские солдаты покидали Москву счастливые и полные оптимизма. Они много награбили в этом городе, а их обоз был набит богатой добычей. Это замедляло их отступление, и когда лошади начали погибать, большую часть награбленного пришлось бросить. Когда они поняли, что им придется возвращаться по уже пройденному пути, их настроение упало. Стендаль, который был доволен тем, что принимает участие в русской кампании, так передал в одном из писем свое изменившееся к ней отношение: «Теперь я не так счастлив. Как меняется человек! Моя старая

жажда новых впечатлений окончательно угасла в этом океане варварства нет ни одного звука, который находит отклик в моей душе»^x.

Перед оставлением Москвы встал вопрос о том, как быть с ранеными. Многие, в том числе и генерал Рапп, считали, что было бы лучше оставить их в Москве. Русские не турки, они будут обходиться с ранеными так же, как европейцы. Наполеон, однако, опасался за их безопасность и настоял на том, чтобы их забирали с собой, сказав Раппу: «Я не оставлю здесь ни одного человека; Я отдам все сокровища России, чтобы не бросить ни единого солдата. Мы должны взять лошадей, фургоны, повозки — все, на чем их можно везти»

В самом начале ноября наступила зима, с ней пришло возмездие. Все ужасы отступления подробно задокументированы, поэтому нет необходимости повторять их описания в данной статье. Люди замерзли на ходу, с мертвых снимали все, что у них было; лошадей съедали, а затем использовали их остовы как укрытие. Большинство уже не соблюдало никакой дисциплины, у всех было только одно желание — выжить. Наполеон двигался вместе с отступавшими солдатами; Ней героически сражался во главе арьергарда, обеспечивавшего отступление, подтвердив тем самым, что он «храбрый из храбрых», как его впоследствии и будут называть.

Были и другие, кто не терял присутствия духа. Стендаль, посланный вперед для организации снабжения, писал 16 октября графине Дарю: «Наши разговоры — самые скучные на свете. За исключением этого, все идет хорошо; мы не видели ни одной женщины, после жен польских почтмейстеров, но в качестве компенсации мы стали большими знатоками по части пожаров»^{xii}.

Смоленск оказался не таким, каким его ожидали увидеть. Оставшиеся там немногочисленные запасы продовольствия были истреблены передовыми войсками в ходе наступления; здесь нельзя было остановиться на отдых — не было зимних квартир: все оставшиеся в живых должны были двигаться дальше на запад.

В это время Наполеон получает еще более худшие новости, чем из Испании. Генерал Мале, заключенный в сумасшедший дом, бежал и смог возглавить заговор с целью захвата власти. Мале и его помощники убедили некоторых представителей власти, занимавших ключевые посты, что Наполеон умер в России и захватили контроль над правительством. Заговор был уничтожен, а заговорщики казнены.

Сам по себе факт заговора был достаточно неприятен. Но ужаснее всего было то, что ни один из тех, кто считал, что Наполеон мертв, не предложил провозгласить Римского короля Наполеоном II, а Марию-Луизу — регентшей. Все, что Наполеон сделал для того, чтобы закрепить успешное продолжение своих реформ и своей династии, было сведено к нулю.

Было ясно, что Наполеон нужен в Париже.

Оставалось преодолеть последнее препятствие: реку Березину. Зима, столь жестокая по отношению к отступавшей французской армии, сыграла над ней напоследок злую шутку. Наполеон имел основание ожидать, что река полностью замерзла, поэтому еще за два дня до переправы, распорядился оставить все оборудование для наведения понтонных мостов. В действительности же в этой части России зима выдалась мягкой, и река полностью не замерзла; по льду ее перейти было нелегко, а мосты разрушены.

Здесь оказалось, что звезда Наполеона еще не угасла: его инженеры смогли построить два моста, один для солдат, другой — для лошадей и повозок. В то время как Ней отражал нападения преследовавших русских, большей части армии удалось переправиться по этим мостам, после чего они были разрушены. Дэвид Чандлер считает, что за три дня потери составили около 20—30 тыс., участвовавших в бою и, возможно, 30 тыс. не принимавших в нем непосредственного участия^{xiii}. Тем не менее, это действие Наполеона было весьма успешным, одним из лучших в военной истории. Надо отдать должное его хладнокровию в столь катастрофических условиях. Действительно, во время отступления из Москвы он показал больше самообладания, чем во время похода на Москву. Вместе с тем, без относительно свежих сил Удино и Виктора, героических усилий понтонеров и мужественных действий арьергарда под командованием Нея все могло бы закончиться полным поражением.

Частично сохранив армию, Наполеон 5 декабря 1812г. отправился в Париж. Там он был нужен больше, чем в войсках; настало время, чтобы начать, что называется, быстрое восстановление. 18 декабря он уже был в Париже, но весь кошмар еще только начался.

16 декабря в Париже был опубликован 29 бюллетень Великой армии, датированный 3-м декабря. Он отличался своей суровой правдой.

«До 6 ноября погода была хорошая, передвижение армии осуществлялось с большим успехом. Холода начались с 7 ноября; с этого дня мы стали терять за ночь по несколько сотен лошадей, в результате ... ко времени прибытия в Смоленск мы уже потеряли большое число кавалерийских и артиллерийских лошадей на биваках... Мороз внезапно усилился 14, 15, и 16 ноября столбик термометра показывал 16 и 18 градусов ниже нуля. Дороги обледенели; кавалерийские,

артиллерийские и обозные лошади гибли каждую ночь уже не сотнями, а тысячами, особенно немецкие и французские. За считанные дни погибло более 30000 лошадей Армия, которая еще была в порядке 6 числа, 14-го выглядела уже совсем иначе. Она почти полностью лишилась кавалерии, артиллерии и транспортных средств. Все это вместе с наступившими морозами привело армию в жалкое состояние. Те солдаты, которых природа не наделила в достаточной степени мужеством преодолевать все удары судьбы, выглядели потрясенными, утратившими веселость и хорошее настроение, они не могли думать ни о чем, кроме несчастий и гибели Здоровье Его Величества прекрасно как никогда».

Последнее замечание, возможно, означало нечто гораздо большее, чем обычное заверение французского народа или Марии-Луизы. Заговор Мале ясно всем показал, какой непрочной была его власть; этой фразой он давал понять, что жив и возвращается домой.

Как же оценивать кампанию 1812г., помимо очевидного факта, что она была явной катастрофой? Катастрофа, да, но можно ли было ее избежать? Критики указывают на непреклонность воли, непомерные амбиции Наполеона, потерю чувства реальности. Первые два обвинения можно отбросить безоговорочно. Россия его предала. Если бы он на это никак не ответил, то начавшей приносить успехи Континентальной системе пришел бы конец, а с ней и надеждам заставить Англию сесть за стол переговоров. Более того, его молчаливое согласие по отношению к действиям России было бы расценено как признак его слабости и, вне всякого сомнения, привело бы к действиям против него со стороны Пруссии, а, возможно, и даже со стороны Австрии; следствием всего этого могла бы стать еще одна коалиция против него.

Тем, кто сомневается в таком анализе, надо лишь обратиться к военным кампаниям 1813—1814 гг.

Наполеон хорошо это понимал. В конце своей жизни он склонен был признать, что его действия в Испании были ошибочными, но никогда не соглашался с этим относительно кампании 1812 г.

Возможно, Наполеона было бы справедливо обвинять в потере чувства реальности; не реальности политической ситуации, а двойной реальности новой позиции царя и проблем русской зимы. Наполеон не смог понять до конца, что не одна и не десять побед в военной кампании не вынудят Александра сесть за стол мирных переговоров. Александр выразил это в достаточной мере ясно через Коленкура, и в своем воззвании, но Наполеон не услышал его.

Что же касается зимы, Наполеон никогда не предполагал идти до Москвы, а возможно даже и до Смоленска. Его заманили мало помалу. Но еще не было поздно вернуться. Дважды, до Москвы он без необходимости промедлил. Третье промедление — в Москве, оказалось фатальным. Если бы он сразу объявил о своей победе и покинул Москву, или остался там на зимних квартирах, все могло бы закончиться хорошо. Если бы он покинул Москву на четыре или даже на три недели раньше, то армия могла бы избежать множества ужасных лишений, с которыми она встретилась при отступлении. Зимовка в Москве могла стоить ему потери лошадей (из-за недостатка фуража), но свежие лошади и подкрепления могли бы прибыть весной, и тогда можно было бы начать военные действия против царя. Он не сделал ни того, ни другого. В результате и он, и все кто был с ним заплатили ужасную цену за его нерешительность и промедление.

ПРИМЕЧАНИЯ

ⁱ *Odeleben E. O.I. von. Circumstantial Narrative of the Campaign in Saxony in the Year 1813. L., 1820. V.I.P.3.*

ⁱⁱ *Caulaincourt A. With Napoleon in Russia. N. Y., 1935. P.6.*

ⁱⁱⁱ См.: *Nafziger G.F. Napoleon's Invasion of Russia. Novalto. CA, 1988.*

^{iv} *Durdent R.J. Campagne de Moscou en 1812; ouvrage compose d'Apres la collection des pieces officielles sur cette campagne memorable... 2and ed. P., 1814. P. 19 – 20. Переведен с французского на английский Г. Трубецким. В русских публикациях неизвестен. Прим. ред.)*

^v *Correspondance de Napoleon I. T. XXIV. P. 240. № 19182, 7 September 1812; Caulaincourt A. Op. cit. P. 96.*

^{vi} Подлинный документ находится в личной коллекции автора.

^{vii} *Segur Ph. P., comte de. History of the Expedition to Russia, Undertaken by the Emperor Napoleon, in the Year 1812. 6th ed. London, 1827. V. I. P. 344.*

^{viii} *Ibid. V. II. P. 81 – 82.*

^{ix} *Letter to Felix Faure. Moskow, 2 October // The Private Dairies of Stendahl. N.Y., 1954. P. 484.*

^x *Letter to Felix Faure. Smolensk, 24 Fugust // To the Happy Few: Selectend Latters of Stendahl. L., 1986. P. 139.*

^{xi} *Rapp J. Memoires. P., 1823. P. 223.*

^{xii} To the Happy Few: Selected Letters Stendahl. L., 1986. P. 148.

^{xiii} The Campaigns of Napoleon. N.Y., 1966. P. 846; Segur Ph. P. Op. cit. V. II. P. 269 – 303.